

Поле битвы

Андрея Житинкина

ПРОФЕССИЯ: РЕЖИССЕР

Жанна ФИЛАТОВА

Молодая столичная знаменитость Андрей Житинкин поставил более тридцати спектаклей. Будучи по происхождению "щукинцем", он избороздил просторы театрального океана вдоль и поперек. Его постановки идут в Театре имени М.Н.Ермоловой, в Вахтанговском, в Сатирике, в "Табакерке", в Театре имени Моссовета. Он принадлежит к числу немногих, кому удается выпускать спектакли и на академических сценах, и в независимых антрепризах.

Житинкина часто и небезосновательно упрекали в нарочитой сложности и элитарности. Такие спектакли, как "Калигула" А.Камю, "Собачий вальс" Л.Андреева, "Игра в жмурики" М.Волохова, "Внезапно прошлым летом" Т.Уильямса, изначально не нравились зрителям на веселое времяпрепровождение, а сам литературный материал не способствовал хорошему настроению. Но случилось так, что неожиданно для всех и совершенно закономерно для самого себя Житинкин однажды переключился на сценические фантазии по знаменитым пьесам Радзинского, Арбузова, Пристли. Возлюбив популярных драматургов, Житинкин ничуть не изменил своим художественным пристрастиям, не отказался от любимых тем, сюжетов и идей, не разрушил театральный мир, который создавал годами. Для него по-прежнему важен конфликт человека с самим собой. Его привлекает бездонное пространство человеческой индивидуальности. Ему безразличны политика, идеология, публицистика и бытописательство. Зато он крайне неравнодушен к человеческим взлетам и падениям, к страстям, порокам и тайным желаниям. Все это — незыблемая основа режиссерского мироощущения Андрея Житинкина.

— Неоспоримой является мысль, что каждый режиссер строит свой театр. К какой модели театра вы стремитесь?

— У нас почти не было настоящего атмосферного театра, медитационного театра, который гипнотизирует. К сожалению, эксперименты Анатолия Васильева к театральному дереву не привились, а Роман Виктюк, который прекрасно понимает гипнотический театр, использует его в коммерческих целях. У меня в спектаклях почти нет внешних приключений. Мне интересно то, что А.Камю называл "внутренними приключениями". Я хочу столкнуть зрителя с тех ценностных ориентиров, которые у него есть. Хочу, чтобы он задал себе вопрос: а почему в моей жизни

не было такого романа или страсти? Поэзия и натурализм, метафора и натурализм — это мне близко. Рядом с духовной эволюцией идет сексуальная революция, и это надо показывать, как и многое другое, что происходит в нашей жизни. Не надо бояться.

— Ваш театр требует определенного драматургического материала. Вы часто выбираете пьесы, где почти отсутствуют сюжетная линия, интрига, событийные перемены.

— "Странная драматургия" — это моя стихия. Я все время закрывал темы. Когда в разных московских спектаклях стали робко звучать слова из ненормативной лексики, я поставил "Игру в жмурики", где в каждой фразе откровенный мат, но на восьмой минуте зрители забывали о нем, потому что происходящее на сцене было осмыслено психоаналитически. Когда возникла очередная мода на лесбиянок, я поставил "Ночь трибад", и все увидели трагедию дома Стриндберга. Зритель был разочарован. Он ждал лесбийских сцен, а увидел трагического артиста Тараторкина. Когда возникло обожание Серебряного века и стало модно цитировать с завываниями декадентскую поэзию, я в спектакле "Желтый ангел" посмотрел на это с другой стороны. Ни Тэффи, ни Аверченко не были популярны в свое время. Два смешных человека проживают трагическую жизнь Коломбины и Пьеро. Я поставил спектакль об искусстве. Когда "Московский комсомолец" написал, что я русский Хичкок из Хамовников, я понял, что закрыл тему каннибализма, поставив спектакль "Внезапно прошлым летом" Т.Уильямса. Я обманываю обывателя, предлагая ему скандальные названия или сюжеты, а уходит он, нагруженный совсем другой информацией.

— Но сегодня вы выбираете для постановок Радзинского и Арбузова. Значит ли это, что в них есть нечто такое, что позволяет вам "перевернуть" зрителей?

— Конечно. Из пьесы Арбузова "Мой бедный Марат" я сделал абсолютно чувственную историю, выстроенную на сенсорике. Я попросил актеров не гримироваться, не играть детей, не думать о том времени. Мои герои должны совершить путешествие в прошлое через самих себя, свои чувства. Согревая друг друга дыханием, Лика, Марат и Леонидик в годы войны выжили, и это была великая зона любви. Естественно, что в мирные дни все трое не могут от этого освободиться и постоянно возвращаются по тропинкам эмоциональной памяти в то для них счастливое, несмотря на войну, время. Мне было очень интересно, как примут спектакль ветераны, которые хорошо помнят, что война — это смерть, грязь, страх, кровь, и они отклик-

нулись на эту чистую чувственную историю.

Есть еще один существенный момент, благодаря которому я обратился к известным драматургам нашего времени. Сейчас изменилась театральная ситуация. Практически не ставятся спектакли по современным пьесам. Одна классика. И зрители с радостью отправляются в театр на нашу драматургию.

— Герои ваших спектаклей — люди неординарные, часто близкие к гениальности. Какие темные и светлые стороны творческой личности вам наиболее интересны?

— В Театре-студии О.Табакера я поставил спектакль "Псих" по прозе А.Минчина. Меня интересовало крушение личности, своеобразная внутренняя эмиграция. Такое было возможно только в России. В психушке скрывались, пытались найти уединение и выжить. Мальчик лег в лечебницу, чтобы написать повесть или романчик, тщеславно лелея мысль, что напишет что-то гениальное и станет знаменитым. Но такими вещами шутить нельзя, и он совершенно не заметил, как был этой средой поглощен. Его энергетику отосало страшное, ненормальное пространство. Здесь меня не интересовало время физическое, мне было важно понятие времени психологического, которому я верю гораздо больше, потому что для человека оно имеет великий смысл. Дело в том, насколько активно и насыщено мы живем, а не как долго пребываем на этом свете.

В "Веселых парнях" Нила Саймона на вахтанговской сцене я только прикоснулся к теме угасания таланта. У Художника, тем более Актера, эмоциональная память необыкновенно развита.

Он сам видит, как с каждым днем то или другое в организме отказывает, отключается, остаются только воспоминания. Это и заставляет зрителей в финале не только смеяться, но и аплодировать актерам, которые играли, отдавать дань актерскому мужеству, потому что эта профессия чудовищна, так как главное в ней — расшатывание своей нервной системы и постоянный внутренний мазохизм.

— Вы работаете с актерами разных поколений и школ. Как вам удается найти общий язык и с молодыми, и с корифеями отечественной сцены?

— Мне любопытен актер во всех его проявлениях. Я обожаю работать с невыносимыми актерскими характерами и не люблю простых актеров, всегда выбираю красивые и щедрые индивидуальности. У меня в "Калигуле" играл Всеволод Якут — великий русский актер! В спектакле "Желтый ангел" неповторимый дуэт создают Нина Дробышева и Анатолий Адоскин. В последней премьеры Театра имени Моссовета "Он пришел" замечательно играют Георгий Жженов, Елена Валушкина, Александр Домогаров. В "Веселых парнях" блистает Юрий Яковлев. Я уже не говорю о великолепной паре — Людмила Гурченко и Александр Ширвиндт в "Поле битвы..." Я никогда не уговариваю с собой работать. Это — дело тонкое, интимное. Нельзя вывесить приказ, чтобы актер хорошо сыграл роль. Заставить невозможно. Это, как в любви.

— А что дают вам независимые театральные проекты?

— Независимость. Свободу... Что ж, в тридцать пять лет человек может себе это позволить.

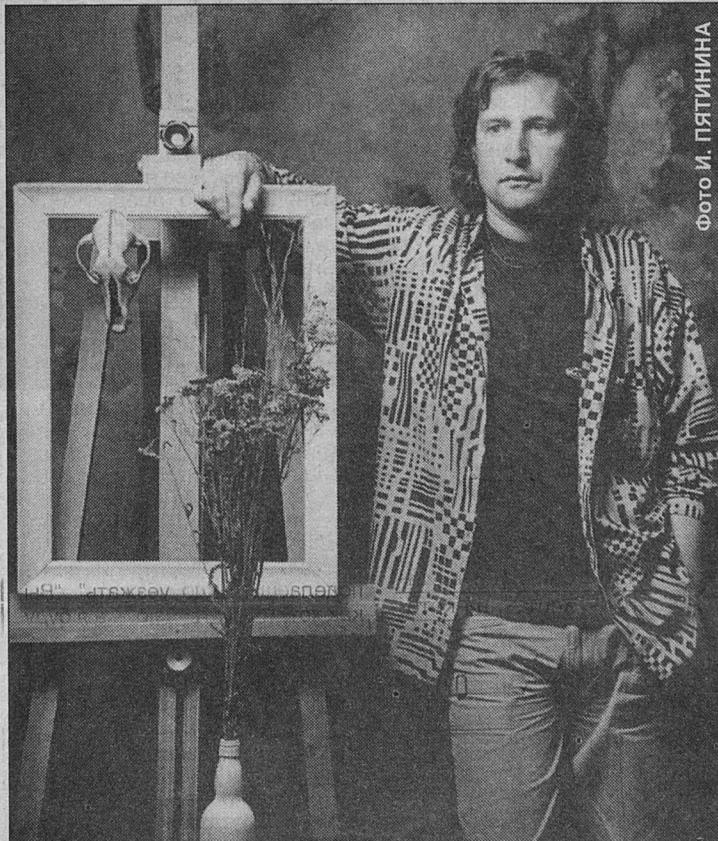


Фото И. ПЯТИНИНА